

Общее и особенное в политическом развитии постсоветских государств

Дмитрий Фурман

Формально при распаде СССР и «соцлагеря» все бывшие коммунистические государства провозглашали сходные или просто тождественные цели – построение демократических правовых обществ с рыночной экономикой. Но в реальности развитие посткоммунистических стран пошло разными путями.

Различия посткоммунистического развития России и центральноевропейских государств, включая и страны Балтии, очевидны и имеют принципиальный и качественный характер¹. Центральноевропейские страны пошли по пути создания правовых демократических политических систем, однотипных с давно сложившимися в странах Западной Европы и Америки, в которых в рамках единых правил игры борются разные политические силы и осуществляется ротация власти. В России же возникла система власти «безальтернативных» президентов, использующих право и демократические институты как камуфляж и передающих власть назначенным ими преемникам. Сравнение постсоветского развития России и посткоммунистических стран, пришедших к демократии, необходимо для понимания природы российской постсоветской системы, причин ее возникновения и перспектив. Но если сравнивать Россию только с этими странами, неизбежно возникает тенденция к преувеличению своеобразия ее постсоветского исторического пути и политической системы.

Между тем политическая система постсоветской России отнюдь не уникальна. Напротив, она во многом однотипна с системами, существующими в других странах.

¹ Очень хорошее, на мой взгляд, сравнение политического строя России и стран Балтии содержится в статье: *Нистей-Хаарала С.* Сравнение политических органов и конституций России и балтийских стран – культурная обусловленность и стечение обстоятельств // *Страны Балтии и Россия: Общества и государства: Сб. ст. / Ред.-сост. Д. Е. Фурман и Э. Г. Задорожнюк.* – М.: Референдум, 2002. – (Мир, прогресс, права человека: Публ. Музея и обществ. центра им. А. Сахарова; Вып. 5).

вующими в очень многих странах Азии и Африки. И для посткоммунистического мира российское политическое развитие не является уникальным или даже как-то особо своеобразным. Однотипные с российской системы существуют сейчас во всех странах СНГ за исключением Молдавии и тех трех стран, где они уже завершили свой жизненный цикл, — Грузии, Украины и Киргизии ².

Сравнение политических эволюций и возникших в результате них политических систем стран СНГ — задача исключительной важности и колоссальной сложности. Цель настоящего очерка — первое, эскизное приближение к реализации этой задачи. В этой связи представляется важным показать: 1) общие для России и других стран СНГ предпосылки к становлению систем этого типа; 2) общую логику их становления и развития и 3) их деградации и распада; 4) перспективы, возникающие у обществ при падении этих режимов; 5) взаимосвязь процессов на территории СНГ и возможности воздействия на них извне.

² Литература по посткоммунистическому развитию России безбрежна. Я бы хотел отметить здесь книгу авторов, взгляды которых в значительной мере совпадают с моими: *Reddaway P., Gliniski D. The Tragedy of Russian Reforms / US Inst. of Peace. — Washington DC., 2001. См. также: Фурман Д. Наша политическая система и ее циклы // Свобод. мысль-XXI. — 2003. — № 11.*

Почти так же безбрежна литература по посткоммунистическому развитию других постсоветских государств. Вместе с тем работ, посвященных сравнению развития постсоветских стран, очень мало. См.: *Nations in Transit: Civil Society, Democracy and Markets in East Central Europe and Newly Independent States. — New-York: Freedom House, 1995.*

³ Устоявшегося термина для обозначения таких систем нет, что, несомненно, отражает их очень слабую изученность.

«Имитационные демократии» в современном мире

При всем громадном разнообразии политических систем современного мира мы можем, очевидно, говорить о двух доминирующих, наиболее распространенных типах этих систем. Это, во-первых, системы реальной демократии, прочно установившиеся в наиболее развитых странах и существующие во многих менее развитых государствах, ранее называвшихся странами третьего мира, и, во-вторых, системы «управляемой» или «имитационной» демократии ³, т. е. основанные на режимах личной власти президентов, камуфлируемых в правовые и демократические формы, которые существуют в России, в большинстве стран СНГ и во множестве других стран.

Системы «имитационных демократий» отличаются от недемократических систем других типов — от неконституционных монархий, опирающихся на традицию, от открытых диктатур, которые опираются на армию и могут обходиться без демократического камуфляжа, и от тоталитарных систем, в которых демократический камуфляж может быть сведен к минимуму, поскольку они опираются на собственную идеологию, альтернативную демократии⁴. В наше время «имитационные демократии» — основной тип недемократических политических режимов, и его широкое распространение должно быть связано с какими-то общими предпосылками.

В современном мире уже нет сколько-нибудь «серьезных» идеологий, выдвигающих модели общественного устройства, альтернативные демократии (за сомнительным исключением исламского фундаментализма). Можно сказать, что демократическая легитимация стала единственно возможной формой легитимации власти. Традиционалистские недемократические режимы типа саудовского или свазилэндского — это реликтовые образования, доживающие свой век благодаря специфическим обоим благоприятным условиям, но не способные быть привлекательной моделью для других стран. В значительной мере реликтовыми являются сейчас и уцелевшие тоталитарные коммунистические системы (Северная Корея, Куба) — эпоха тоталитарных идеологий осталась в XX в. Военные диктатуры по самой своей природе — нечто временное, связанное с особыми обстоятельствами, в которых оказалась страна. Со временем они переходят или к реальной демократии, или к ее имитации (военный диктатор организует подконтрольные ему выборы и референдумы).

Но отсутствие идеологий, способных дать обоснование недемократическому строю, и всеобщее распространение некоторых демо-

⁴ Следует отметить, однако, что тоталитарные системы XX в. — коммунистические и в меньшей степени фашистские — также не могли вообще обойтись без имитации демократии. Все-таки существовали безальтернативные, но выборы, чисто фасадные и включавшие в себя принципиально неправомерные положения (например, о КПСС как «руководящей и направляющей силе»), но конституции, принимающие все решения единогласно, но парламенты. Коммунистические режимы называли себя «социалистическими демократиями», «народными демократиями». Это «системное лицемерие» тоталитарных режимов свидетельствует, что даже в период их расцвета полноценной альтернативы демократической легитимации власти тоталитарные идеологии не создали.

кратических идей и принципов еще не означает способности всех обществ жить в условиях демократии, функционирование которой требует или особых культурных предпосылок, или достаточно высокого уровня социального и культурного развития.

Если принимаешь некоторую норму, но не можешь ей следовать, то начинаешь, обманывая и других, и самого себя, изображать следование этой норме. Если идейной альтернативы демократии в обществе нет, а для реальной демократии в нем отсутствуют культурные и психологические предпосылки, возникают условия для формирования политических режимов, распространенных на постсоветском пространстве, — недемократических, имитирующих демократию.

Именно такие условия и существовали в обществах советских республик в начале их постсоветского развития.

Общие предпосылки для возникновения режимов «имитационных демократий» в странах СНГ

В период перехода от коммунистической к посткоммунистическим системам идеи демократии практически не имели альтернатив ни в одной из республик СССР⁵.

Коммунистическая идеология сама способствовала внедрению в сознание народа некоторых демократических идей и принципов. Представления о том, что власть — «от народа», что она должна избираться, что она должна «служить народу», что в обществе необходимы конституция, выборы, для населения СССР обладали характером аксиом. И естественной формой идейного протеста против советской власти было фокусирование общественного мнения на ее несоответствии этим принципам, ее недемократичности. Падение совет-

⁵ Следует отметить, что среди массовых партий стран СНГ наиболее открыто антидемократический характер имеет идеология российской ЛДПР. Но и специфически эпатажно-шутливый характер этой партии, и использование ею все-таки такого названия, как «либерально-демократическая», не позволяет говорить о ее идеологии как о реальной идейной альтернативе демократии.

ской власти поэтому везде означало попытку перейти к демократии, наполнив институты формальной советской демократии реальным демократическим содержанием.

Идейные альтернативы демократии не возникли и в последующие годы, и вся идейная борьба президентов и оппозиций в странах СНГ идет в рамках демократического «дискурса». Фактически единственным идеологическим обоснованием сложившихся в СНГ авторитарных режимов является постоянно звучавшее у Гейдара Алиева, Аскара Акаева, Нурсултана Назарбаева, Сапармурата Ниязова (и более приглушенно — у Владимира Путина) утверждение, что «наши страны» не готовы к полноценной демократии и только идут к ней, а поэтому не надо пытаться применять к ним западные стандарты и торопить развитие, иначе это может привести к срыву. Ни одному властителю в странах СНГ даже в голову не приходило вообще отказаться от демократической легитимации. Выборы могут быть сведены к ритуалу, но отказ от этого ритуала невозможен, конституции могут быть «фиговым листком», но «выйти на улицу» без этого «фигового листка» нельзя.

Однако при этом имеющем всеобщий характер демократическом «дискурсе» в 12 странах СНГ за 15 лет постсоветского развития было только четыре случая мирного конституционного перехода власти к оппозиции. Из них два в Молдавии, развитие которой принципиально отличается от происходившего в других странах, а два привели к победе президентов, тут же приступивших к строительству режимов своей «безальтернативной» власти (переход власти от Вячеслава Кебича к Александру Лукашенко в Белоруссии и от Леонида Кравчука к Леониду Кучме на Украине).

Всеобщий характер демократического «дискурса» сочетается с практически всеобщим недемократическим характером развития, при-

⁶ Правда, длительность существования коммунистической системы в странах СНГ (опять-таки кроме Молдавии) больше, чем в странах Центральной Европы. Но есть пример страны, где коммунизм господствовал столько же, сколько в СССР, но перешедшей после падения коммунизма к реальной демократии. Это удивительный и малоизвестный у нас пример Монголии.

⁷ Это достаточно ясно видно при сравнении предкоммунистического и посткоммунистического развития буквально всех прошедших через коммунизм стран, как прошедших к устойчивым демократиям, так и потерпевших неудачу на этом пути и создавших системы «имитационной демократии». Ясно, например, что степень готовности к демократии в межвоенный период стран Балтии, после недолгого демократического периода прошедших к авторитарным режимам, близким к теперешнему белорусскому, была приблизительно такой же, как сейчас в Белоруссии. И также ясно, что степень готовности к демократии России или Казахстана в 1991 г. была значительно выше, чем в 1917-м.

⁸ Естественно, неслучайно, например, что наиболее успешные в своем посткоммунистическом демократическом развитии центральноевропейские страны и государства Балтии — это страны с господством западных форм христианства, протестантизма и католицизма. Также неслучайно, что ни одна мусульманская страна СНГ не пришла к демократической системе — демократических мусульманских стран очень мало и за пределами СНГ. Подробнее см.:

Фурман Д. Дивергенция политических систем на постсоветском пространстве // *Свобод. мысль*—XXI. — 2004. — № 10.

⁹ Даже наличие в прошлом каких-то «досовременных» «протодемократических» форм политической жизни, которые могут восприниматься как своя, национальная демократия, облегчают построение демократического общества. Так, несомненно, что значительно более демократический, чем в России, характер политической жизни постсоветской Украины связан с громадной ролью в украинском самосознании традиций позднесредневекового казахского государства. Отличие более либеральных режимов назарбаевского Казахстана и акаевской Киргизии от значительно более жесткого узбекского, вероятно, связано с тем, что казахи и киргизы в прошлом не имели деспотических централизованных государств, а жили в условиях «кочевой демократии» с выборными ханами.

¹⁰ Следствия неудачной попытки могут быть двоякими. С одной стороны, это все же приобретение некоторого опыта, с другой — неудача влечет за собой психологическую травму. Для российского сознания неудача перехода к демократии в 1917 г. имела

нятие демократических принципов — с неспособностью им следовать. Откуда же эта неспособность?

Объяснить ее «тяжелым советским наследием», думается, было бы неверно. Страны Центральной Европы и Балтии также прошли через коммунистический период, но это не помешало им создать демократические общества ⁶. Поскольку и в коммунистическую эпоху общества развивались в общем для современного мира направлении, хотя и в замедленных темпах и в своеобразных формах, к моменту падения коммунизма все прошедшие через него страны были в целом все же более готовы к демократии, чем к моменту утверждения коммунистических систем ⁷.

Причины недостаточной готовности освободившихся от коммунизма стран СНГ к демократическому развитию — это не столько последствия коммунизма, сколько более глубокие культурные и исторические причины. Не обсуждая подробно наиболее глубокие культурные факторы, препятствующие демократии в странах СНГ ⁸, остановлюсь лишь на факторах более поверхностных.

Прежде всего, ни одна из стран СНГ в отличие от государств Центральной Европы не имела в прошлом практически никакого опыта современного демократического развития, на который она могла бы ориентироваться в построении постсоветской демократии ⁹. Попытка построения демократий в период после 1917 г. была настолько кратковременной и привела к созданию настолько эфемерных институтов, что фактически постсоветская попытка является первой ¹⁰.

И наоборот, ряд стран, особенно Россия и Узбекистан, имеют мощную традицию авторитарных систем, связанную с национальным самосознанием их народов. Прошлое государственное величие России неразрывно связано с деспотическими фигурами Ивана Грозного,

Петра I, Сталина¹¹. Национальная гордость Узбекистана связана прежде всего с фигурой Тимура.

Как ни одна из стран СНГ не имела в своем прошлом ясной «демократической модели», на которую она могла бы ориентироваться, так ни одна из них не имела подобных моделей в культурно родственных демократических странах, которые могли бы играть роль «референтной группы». Разумеется, пример демократических стран Европы и Америки оказывал и оказывает колоссальное влияние. Но эти страны очень далеки от стран СНГ по культуре и не могли быть таким понятным и близким примером, каким, например, для Эстонии и Латвии служили Финляндия и Швеция, а для Литвы – католические страны Европы¹². Правда, для тюркских мусульманских стран СНГ определенную демократизирующую роль играет пример Турции, но все же образец Турции – это не образец устойчивой и развитой демократии, и с турецкой моделью конкурируют модели других мусульманских стран. В культурном отношении все страны СНГ в громадной мере зависели и зависят от России, которая никак не может служить примером демократического развития.

Естественно, что беспрецедентность, новизна демократии, отсутствие демократического опыта (или, как в России, наличие травмирующего опыта, связанного с предшествующей неудачей) и ясных примеров успешной демократии в родственных странах затрудняет переход к ней. Но этот процесс осложнялся еще и тем, что он совпадал во времени с двумя другими также очень трудными переходами¹³.

Во-первых, это переход от социалистической экономики к рыночной. За два с лишним поколения, проживших в условиях социализма, привычки к рыночным институтам и частной собственности были практически утрачены. Поэтому переход к рыночным отношениям был

значительно более травматические последствия, чем для других стран СНГ. Все прочие страны имеют возможность «списывать» свою неудачу в создании демократических государств на Россию и коммунистическое завоевание, у России же такой возможности нет. Поэтому факт провозглашения демократий в период революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.) в других постсоветских странах скорее способствует сейчас укреплению там демократических ценностей, создавая прецедент и порождая ощущение «нормальности» демократии, которая если не состоялась, то только из-за русских.

¹¹ Роль русской политической традиции в постсоветском развитии хорошо раскрыта в книге: Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? – М.: Новое изд-во, 2005. – (Исследования Фонда «Либеральная миссия»).

¹² О роли в постсоветском развитии стран Балтии примера европейских и прежде всего наиболее близких к ним по культуре стран см.: БейсINGER М. Объяснение балтийской исключительности: идеология реставрационизма и границы политического воображения // Страны Балтии и Россия: Общества и государство.

¹³ Проблема совпадения перехода к демократии, рынку и к национальному государству и влияния этого совпадения на демократическое развитие постсоветских стран разрабатывается в работах А. Мотыля. См., например: Мотыль А. Дж. Структурные ограничения и отправные точки: Логика системных изменений в Украине и России // Украина и Россия: Общества и государства: Сб. / Ред.-сост. Д. Е. Фурман. – М.: Пра-

ва человека, 1997. — (Мир, прогресс, права человека: Публ. Музея и обществ. центра им. А. Сахарова; Вып. 1).

¹⁴ Исторический опыт русских как народа, создавшего империю и доминирующего в ней, противоположен опыту других советских народов, завоеванных русскими и вошедших в эту империю. Но в опыте русских и других народов общим является то, что это не опыт существования национального государства. Привыкнуть жить без империи одинаково трудно и русским, и нерусским.

¹⁵ В марте 1991 г. во всех республиках СССР, кроме государств Балтии, Грузии, Армении и Молдавии, был проведен референдум о судьбе СССР. За сохранение СССР высказались 76,4% голосовавших, против — 21,7%. Наименьшая доля сторонников СССР была на Украине (70,2%) и в России (71,3%), наибольшая — в Туркмении (97,9%) (Правда. — 1991. — 27 марта). Между тем уже в этом 1991 г. СССР прекратил свое существование. При этом из трех лидеров, участвовавших в заключении Беловежских соглашений, которые положили конец существованию СССР, только у одного (украинского — Кравчука) был народный мандат в виде референдума о независимости Украины.

для стран СНГ почти такой же беспрецедентной задачей, как и переход к демократии.

Во-вторых, это переход от советской империи к современным национальным государствам, опыта жизни в которых у народов стран СНГ, в отличие от народов центральнойвропейских стран, также не было или практически не было (опять-таки если не говорить о неудачных попытках создания национальных государств в период Гражданской войны в России) ¹⁴.

Если мы прибавим к этому ту быстроту, с которой распался СССР, и психологическую неподготовленность этого распада ¹⁵, то поймем, что народы СНГ оказались в 1991 г. в ситуации, не так далекой от положения людей, которых бросили в воду и которые раньше никогда не плавали и лишь издали видели, как плавают другие. Ясно, что даже понимая необходимость плыть и стремясь к этому, такие люди будут совершать массу ненужных и суматошных движений и могут легко впасть в панику и отчаяние.

Движущие силы и направление эволюции политических режимов стран СНГ

Все республики СНГ при падении СССР провозгласили создание демократических право-

вых государств, и на всем пространстве СНГ возник хаос, повторивший, хотя и в значительно меньших масштабах, тот, который воцарился на просторах Российской империи при падении царизма.

Нет смысла говорить о страшной экономической ситуации, которая возникла в странах СНГ в начале 1990-х годов, и перечислять все войны, бунты и перевороты, сотрясавшие в это время постсоветское пространство. Дело доходит до того, что в ряде постсоветских стран произошел полный распад государственных структур и к власти пришли откровенно криминальные элементы (Сангак Сафаров

в Таджикистане, Тенгиз Китовани и Джаба Иоселиани в Грузии, Сурет Гусейнов в Азербайджане).

Естественно, что доминирующим стремлением народов в этой ситуации становится стремление к «порядку»¹⁶. Возникает ностальгия по спокойным дореволюционным временам, которая, однако, не доходит до сознательного стремления вернуть советское прошлое — коммунистическая идеология уже умерла — и не приводит к распространению каких-то других антидемократических идеологий — таких идеологий просто нет в современной культуре.

Какие-то элементы хаоса естественны при любой смене политических и социальных систем. И также естественно появление некоторой ностальгии по утраченному порядку. Такая переоценка прошлого и ностальгия в той или иной степени возникают во всех странах, прошедших через антикоммунистические революции. Но разная интенсивность этой ностальгии (как и разная степень порождающих ее трудностей) и различные ее сочетания с другими факторами приводят к принципиально разным следствиям.

В странах, более подготовленных к демократическому развитию, чем страны СНГ, они приводят к поражению на выборах радикальных сил, стоявших у власти в революционные годы, и приходу к власти умеренных, связанных со старой коммунистической номенклатурной элитой, отринувшей коммунистическую идеологию (наиболее яркие примеры — поражение «Саудиса» и приход к власти Альгирдаса Бразаускаса в Литве, поражение Леха Валенсы и приход Александра Квасневского в Польше). Этот первый эпизод мирной демократической ротации окончательно превращает власть победивших демократов во власть демократии и права, открывает путь для становления системы, в которой ротация власти — норма. Сходное значение, очевидно, имеет

¹⁶ В 1998 г. в Казахстане был проведен опрос, результаты которого, на мой взгляд, раскрывают особенности сознания не только жителей этой страны, но и населения СНГ в целом. Был задан вопрос, какая общественная система сможет решить проблемы казахстанского общества. 4,4% респондентов выбрали «коммунизм», 7,3% — «социализм», 5,9% — «капитализм», 2,8% — «демократию западного типа», 2,3% — «ислам», а 56,9% ответили: «любая, лишь бы был порядок». См.: Дунаев В. Конфликтующие структуры казахстанской модели межэтнической интеграции // Центр. Азия и Кавказ. — 1999. — № 5 (6). — С. 14–15.

и демократический приход к власти Партии коммунистов Молдавии.

Сочетание этих же факторов, но в ином соотношении (несколько бóльшие элементы революционной анархии, большее стремление отойти от этой анархии и меньшая психологическая готовность к демократии), дает принципиально иной результат. Происходит не ротация власти и приход к власти сил, связанных с «дореволюционным» прошлым, закрепляющие демократию, а наоборот, укрепление действующей власти, исключаящее ротацию и придающее этой власти «дореволюционные» авторитарные черты, возникают системы «имитационной демократии». Они основываются на манипулировании общественным сознанием и фальсификации народного волеизъявления. Но их возникновение было бы невозможно без «социального заказа» на подобные системы, без согласия общества на эти манипулирование и фальсификации.

Генезис систем «имитационной демократии», возникших на пространстве СНГ, несколько различался. В ряде стран они создаются людьми, стоявшими у власти в конце советской эпохи и в момент распада СССР связанными с демократическим движением — Борисом Ельциным в России и Аскармом Акаевым в Киргизии — и легко отказавшимися от коммунистической идеологии старыми партийными руководителями Сапармуратом Ниязовым в Туркмении, Нурсултаном Назарбаевым в Казахстане, Исламом Каримовым в Узбекистане. В Армении система безальтернативной президентской власти, основанная на фальсификации выборов и подавлении оппозиции, была создана Левоном Тер-Петросяном, руководителем антикоммунистического демократического движения, который затем сам был отстранен от власти в результате бескровного военного переворота (ультиматума силовиков). При этом основные характеристики ре-

жима остались неизменными. В Грузии и Азербайджане президентские режимы «имитационных демократий» возникли в результате вооруженных переворотов, положивших конец недолгому правлению «революционных» президентов Абульфазы Эльчибея и Звиада Гамсахурдиа и приведших к власти старых советских руководителей этих стран Гейдара Алиева и Эдуарда Шеварднадзе. В Таджикистане представитель низшей советской номенклатуры Эмомали Рахмонов пришел к власти после кровопролитной гражданской войны. Наконец, режимы Кучмы на Украине и Лукашенко в Белоруссии возникли после первой мирной и демократической ротации власти, которая теоретически могла бы привести к закреплению в этих странах правовой системы.

Естественно, что неопределенная, критическая ситуация начала 1990-х годов в разных странах СНГ могла иметь разные исходы, и возникновение сложившихся в этих условиях режимов «имитационной демократии» нельзя считать ее единственно возможным исходом. Но шансы на переход в это время стран СНГ к реальной демократии, думается, были минимальными (может быть, наибольшими они были на Украине и в Белоруссии, где все же прошла мирная ротация власти и где громадную роль в том, что эта ротация не стала началом правовой демократической системы, сыграли личности Кучмы и Лукашенко). «Имитационные демократии» — самый вероятный, наиболее естественный исход этой ситуации. А характер вставших у власти людей, нюансы их идеологии и генезиса (антикоммунизм Ельцина и коммунистическая ностальгия Лукашенко, интеллектуализм Тер-Петросяна и «простота» Рахмонова), конечно, придавали разным режимам специфическую окраску, но не влияли существенно на их природу и внутреннюю логику развития.

К установлению режимов «имитационных демократий» толкают не только благоприятст-

вующие этому особенности (неготовность к демократии при отсутствии идейных альтернатив ей) и эволюция (стремление отойти от революционного хаоса и прийти к «порядку») массового сознания. К нему толкает и внутренняя логика действий самих президентов.

Установление режимов личной власти, имитирующей демократию, естественно, не может происходить правовым путем. Оно осуществляется через незаконные действия. Но это означает, что чем дальше президенты идут в строительстве своих режимов, тем больше шансов, что в случае утраты власти они могут быть подвергнуты судебному преследованию.

В России Ельцин, заключивший Беловежские соглашения о распаде СССР, не имея народного мандата (если мандат и был, то прямо противоположный), уже этим сделал для себя уход от власти очень трудным. Ведь оппозиция в таких условиях просто не могла не говорить о его ответственности за «разрушение великого государства», и ее приход к власти практически наверняка означал бы для него судебное преследование с обвинениями в диапазоне от превышения полномочий до государственной измены. Но если еще можно представить себе безопасный для Ельцина уход из власти в 1992 – начале 1993 г., то после кровавого разгона парламента в октябре 1993 г. это было уже просто невозможно¹⁷.

Та же логика присутствует в поступках и мотивах других глав государств. Действия президента, вступившего на путь построения режима своей «безальтернативности», включают такие меры, как отмена действующей конституции и принятие антиконституционного законодательства, махинации с результатами выборов и референдумов, давление на суды, использование против политических противников лживых уголовных обвинений и т. д. вплоть до «таинственных» исчезновений и убийств противников.

¹⁷ Об эволюции политического режима в ельцинскую эпоху см.: *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина / Моск. Центр Карнеги. – М., 1999.

Кроме преступлений, непосредственно связанных с укреплением режимов личной власти, множество преступлений совершалось в ходе приватизации, которая в условиях бесконтрольной власти просто не могла не превратиться в растаскивание государственной собственности, в том числе и близкими президентами и ими самими.

Поэтому чем дальше укрепляется и развивается режим личной безальтернативной власти, тем меньше возможности для президента свернуть с избранного пути, тем более что после ухода с поста (если только он не передаст его заранее выбранному преемнику и гарантирует себе иммунитет от судебных преследований) его и его близких ожидают суды, тюрьма и разорение. На путь построения системы личной власти было очень легко вступить, но с него практически невозможно сойти.

Развитие режимов личной власти в разных странах СНГ происходило через схожие этапы и в схожих формах. Ниже рассмотрены некоторые из них.

КОНФЛИКТЫ С ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ И РАЗГОН НЕКОНТРОЛИРУЕМЫХ ПАРЛАМЕНТОВ

Кровавый конфликт Ельцина с парламентом в 1993 г. — важнейший этап становления авторитарного режима в России. Но это отнюдь не единственный подобный конфликт в СНГ. В первой половине 1990-х годов конфликты президентов с парламентами прошли по всем странам СНГ, кроме Туркмении, где парламент с самого начала был под полным контролем президента.

Эти конфликты были связаны с тем, что первые парламенты были избраны еще в горбачевское время, когда контроль властей над избирательным процессом был минимален и в обществе был демократический подъем. Парламенты были «неуправляемыми», и депутаты имели высокие представления о своей миссии, а их спикеры — о своей роли¹⁸.

¹⁸ Значительную роль в укреплении самосознания и усилении претензий парламентов сыграла не только ориентация на западные демократические нормы, но и специфически советская демагогическая идея «Вся власть — советам», активно использовавшаяся демократическими силами в ходе перестройки.

Парламенты превращаются в главное препятствие на пути укрепления президентской власти и построения авторитарных систем.

Конфликты президентов и парламентов усугублялись и тем, что в странах СНГ еще действовали старые советские конституции, к которым были приняты многочисленные поправки, и распределение полномочий между исполнительной и законодательной ветвями власти являлось совершенно неопределенным. В этой ситуации конфликт президентов с парламентами усугублял ситуацию анархии.

Депутаты были более тесно связаны с избирателями, чем президенты и их окружение, и парламенты везде аккумулировали народное недовольство проводимыми рыночными реформами. Однако, несмотря на это, стремление народов к возвращению «порядка» было сильнее, чем протест против рыночных реформ, и в конфликтах президентов и парламентов народ был скорее на стороне олицетворяющих порядок и управляемость президентов, чем на стороне олицетворяющих демократический хаос парламентов.

Кровавую форму конфликт между президентом и парламентом принял только в России. В Казахстане президент разогнал парламент без применения силы, но зато два раза подряд (в 1993 и 1994 гг.). Парламенты были разогнаны также в Киргизии в 1995 г. и в Белоруссии в 1996 г. В Узбекистане Каримов в 1992 г. добился принятия закона об отзыве депутатов, позволившего ему очистить парламент¹⁹.

В борьбе с парламентами президенты часто апеллировали к референдумам, всегда получая одобрение своих предложений. На защиту разгоняемых парламентов народ не поднимается нигде.

ОТСТРАНЕНИЕ «СТАРЫХ ТОВАРИЩЕЙ»

Одним из аспектов конфликта Ельцина с парламентом был его личный конфликт

¹⁹ Единственной страной СНГ, где конфликты президентов (сначала Мирчи Снегура, затем Петра Лучинского) с парламентом привели к поражению президентской власти и установлению парламентской республики, является Молдавия. Развитие Молдавии с ее уже двумя мирными ротациями власти, установлением парламентской республики и приходом к власти коммунистов — очень своеобразно и требует особого и пристального изучения. У меня в настоящее время нет достаточных объяснений этого своеобразия.

с председателем Верховного Совета Русланом Хазбулатовым и вставшим на сторону спикера и парламента вице-президентом Александром Рущим. Этот аспект конфликта также имеет аналоги в других странах. В Казахстане это конфликт Назарбаева со спикером Серикболсыном Абдильдиным и отстранение Назарбаевым вице-президента Ерика Асанбаева, в Киргизии — конфликт Акаева с вице-президентом Феликсом Куловым, в Узбекистане — конфликт Каримова с вице-президентом Шукрулло Мирсаидовым, в Азербайджане — конфликт Алиева со спикером Расимом Кулиевым, в Белоруссии — конфликты Лукашенко с многими его прежними приверженцами.

Психологическая схема этих конфликтов — общая и закономерная для ситуации становления режима авторитарной власти. В начале этого процесса президент окружен людьми, которые боролись за власть вместе с ним и воспринимают его скорее как первого среди равных, чем как «хозяина». Становящаяся авторитарная система неизбежно выталкивает этих людей, которым психологически невозможно перейти от роли соратников к роли слуг²⁰.

ПРИНЯТИЕ НОВЫХ КОНСТИТУЦИЙ

Победы над парламентами позволяют принять новые конституции, предоставляющие максимальные полномочия президентам и резко ограничивающие полномочия других ветвей власти. Такие конституции создают для режимов личной власти возможность функционировать, не вступая в постоянные конфликты с конституционными нормами, и придают этим режимам квазиправовые формы. Президенты стараются обезопасить себя в конституциях даже от отдаленных и «теоретических» угроз, например, вообще не включая туда норму об импичменте (конституции Туркмении и Узбекистана) или, как в российской и казахстанской конституциях, делая процедуру им-

²⁰ При всех очевидных различиях механизм этого конфликта тот же, что и механизмы конфликтов Гитлера с Ремом и Сталина, а затем Хрущева с другими членами Политбюро.

пичмента настолько сложной, что ее проведение реально совершенно невозможно.

Характерно, что ни одна конституция СНГ не предусматривает должности вице-президента – президенты больше не хотят видеть рядом с собой никого «всенародно избранного» и стремятся иметь полную свободу рук в назначении преемника.

Поскольку новые конституции фиксируют нормы, максимально удобные режимам личной власти, возникает даже тенденция к их «сакрализации», резко контрастирующая с очень «легким» отношением к конституционным нормам, которое было у властей до их принятия. Однако режимы личной власти по сути своей не правовые. Любые, даже установленные самим президентом, «правила игры» таят в себе потенциальную опасность, что когда-нибудь по этим правилам выиграет кто-то другой. Поэтому даже составленные под контролем самих президентов конституции все равно остаются лишь внешней формой, которая всегда может быть изменена или просто отброшена.

Например, вначале во все конституции включаются пункты об ограничении по срокам возможности одному лицу занимать пост президента. Затем эти пункты изменяются. Так, в Таджикистане сначала (в 1999 г.) было внесено изменение о продлении срока полномочий президента с пяти до семи лет, а затем (в 2003 г.) принята поправка, позволяющая ему править два семилетних срока. Поправки к конституциям, удлинняющие сроки президентских полномочий и снимающие ограничения по числу сроков, принимались также в Узбекистане и Белоруссии. В Туркмении Ниязов отказывается от периодически «выдвигаемых народом» требований перейти к пожизненному президентству и даже обещает провести в 2009 г. альтернативные выборы.

Приведу яркий пример отношения президентов СНГ к конституциям. В Казахстане в 1993 г.

парламентом была принята Конституция, не удовлетворявшая президента Назарбаева. В нарушение Конституции принявший ее парламент досрочно был разогнан и избран новый. Однако он тоже не устроил президента и в 1994 г. также был разогнан. В 1995 г. состоялся неконституционный референдум о продлении полномочий президента до 2000 г. и через некоторое время – референдум по новой Конституции, составленной в аппарате президента и вроде бы для него идеальной. Тем не менее уже в 1998 г. в связи с изменением политической конъюнктуры Назарбаев решил, не дожидаясь конца предоставленного ему референдумом 1995 г. срока, пойти на выборы (тем самым вступив в противоречие и с новой Конституцией, и с результатом референдума). Кроме того, к новой Конституции был принят ряд поправок, в том числе о снятии возрастных ограничений для президента и продлении срока его полномочий. Таким образом, Назарбаев был (и остается) президентом при трех разных конституциях, и все эти конституции он нарушал²¹.

Конституции создают лишь относительно устойчивые внешние формы режимов личной власти. Но для поддержания стабильности этих режимов нужно вести постоянную и планомерную работу, пресекая попытки оппозиционных сил дестабилизировать режим, отслеживая и предотвращая потенциальные угрозы. Описать все многообразные методы и приемы установления и поддержания политической стабильности в странах СНГ невозможно. Перечислю лишь некоторые, наиболее важные.

Установление контроля над СМИ. Наибольшее значение при этом придается телевидению как самому эффективному и массовому СМИ.

Принятие законов о выборах и о партиях, максимально благоприятных власти и неблагоприятных для оппозиции. Это установление очень труд-

²¹ О политическом развитии постсоветского Казахстана см.: *Фурман Д. Е.* Постсоветский политический режим Казахстана. – М.: Огни, 2004. – (Докл. / Ин-т Европы РАН; № 142).

ных условий для регистрации партий, позволяющих не регистрировать неудобные партии, и высоких барьеров для прохождения партийных списков в парламент, а также принятие законов, позволяющих снимать с выборов неудобных кандидатов. Например, в Казахстане в 1998 г. президент издал указ, позволяющий судам прекращать участие в избирательной кампании лица, совершившего в течение года перед выборами любое административное правонарушение, после чего был снят с дистанции главный соперник Назарбаева бывший премьер Акежан Кажегельдин.

Установление контроля над избирательными комиссиями и создание системы манипуляций результатами выборов и референдумов. К разного рода махинациям с результатами голосований власти прибегают во всех странах СНГ с режимами личной власти. Собственно, в таких странах, как Туркмения и Узбекистан, говорить о махинациях не приходится — выборы здесь настолько подконтрольны и ритуализированы, что махинации практически не нужны. В других странах власти активно используют «административный ресурс» на всех этапах избирательных кампаний включая подсчет голосов²². К махинациям прибегают даже тогда, когда совершенно несомненно, что реальные результаты голосования полностью соответствуют желаниям президента, поскольку между местными руководителями возникает своего рода соперничество, какой округ покажет наилучший результат. Так, нет никаких сомнений, что на референдуме 1996 г. и на выборах 2006 г. большинство белорусов поддержало Лукашенко, но также несомненно, что результаты все равно были сфальсифицированы.

Создание пропрезидентских партий. Если президент входит в какую-то партию, которая создана не им самим и имеет свои идеологию и программу (а в начале 1990-х годов все партии в СНГ, и коммунистические, и антикомму-

²² По моему мнению, максимальные различия между реальным голосованием и его официальными результатами имеют место в Казахстане и Азербайджане.

нистические, возникли независимо от действующей власти), такая партия неизбежно будет сковывать ему руки. Поэтому на ранних этапах развития режимов президенты обычно дистанцируются от политических партий, стремясь предстать президентами всего народа. Исключения — режимы Туркмении и Узбекистана, где президенты сразу же создали «свои» полностью подконтрольные им партии на основе организаций КПСС.

Но в ходе эволюции постсоветских режимов возрастает потребность президентской власти в партиях как механизме определения лояльности и подбора кадров и дополнительном рычаге управления. Создаются пропрезидентские партии, фактически лишённые какой-либо идеологии и программ, кроме идеологии и программы поддержки власти. В России это «Единая Россия», в Казахстане — «Отан», в Азербайджане — «Ени Азербайджан», в Таджикистане — Народно-демократическая партия.

При этом могут идти и всякого рода эксперименты с псевдомногопартийностью. Так, в Казахстане наряду с главной пропрезидентской партией «Отан» есть и «дополнительные» (Гражданская и Аграрная партии) и могут возникать новые («Асар»), что создаёт иллюзию яркой палитры многопартийности и бурной партийной жизни. Система псевдомногопартийности, при которой разные партии как бы соревнуются в преданности президенту, создана и в Узбекистане.

Приватизация как аспект создания режимов личной власти. Установление режима личной власти и поддержание его стабильности — процессы не чисто политические. Они имеют социально-экономическую составляющую.

Приватизация государственной собственности, прошедшая почти во всех странах СНГ в 1990-е годы, имела не только социально-экономическое, но и политическое значение, будучи одним из важнейших механизмов укреп-

ления режимов личной власти. В условиях формирующейся «имитационной демократии» практически при полном отсутствии контроля со стороны общества, приватизация в определенной мере стала «раздачей» государственной собственности по произволу исполнительной власти, совершавшейся с многочисленными нарушениями закона. Это создавало заинтересованность новых собственников, во-первых, в благосклонности власти, от которой зависело, будут или нет они «назначены в миллионеры», во-вторых, в ее стабильности, ибо переход власти к оппозиции мог повлечь за собой пересмотр результатов приватизации (что в какой-то мере и произошло в странах, где победили «цветные революции»). В дальнейшем же это создало для президентов возможность контролировать собственников, ибо при появлении признаков нелояльности президенты всегда могли приказать расследовать нарушения закона при приватизации (которые они сами же поощряли) и хозяйственную деятельность собственников, а затем репрессировать политических противников за чисто экономические преступления. Такое привлечение к ответственности за реальные или вымышленные экономические и уголовные преступления политических противников применялось в России (дела Бориса Березовского, Владимира Гусинского и Михаила Ходорковского), Киргизии (дело Феликса Кулова), Азербайджане (дело Расула Кулиева), Казахстане (дела Акежана Кажегельдина, Галымжана Жакиянова, Мухтара Аблязова), Белоруссии (дела Андрея Климова и др.).

Режимы личной власти не могут создать нормальную правовую среду для рыночной экономики. Но они и не заинтересованы в создании такой среды, ибо это означало бы потерю контроля над экономикой, что в конечном счете могло бы привести и к потере контроля над обществом в целом включая и политическую сферу.

Секретные службы и тайные методы борьбы с противниками. Режим личной власти — по сути своей неправовой, но вынужден рядиться в правовые одежды. И это придает ему специфически «мафиозный» характер. Принимая устраивающие их конституции и законы, власти стремятся свести открытый конфликт своих интересов и законов к минимуму, тем не менее многие действия, направленные на поддержание режима, неизбежно вступают в конфликт с любыми законами. В этой ситуации значительную роль начинают играть разные секретные службы, сама природа работы которых предполагает тайные операции, действия в обход законов.

Поиски Ельциным преемника среди представителей спецслужб и выбор им Путина, в дальнейшем сделавшего в своей кадровой политике ставку на людей из спецслужб, — яркое, но не единственное проявление этой тенденции. Советы национальной безопасности и спецслужбы приобретают громадное значение во всех странах СНГ.

Связанной с этим чертой политической жизни являются «таинственные» убийства политических противников власти. Никто, разумеется, не имеет права прямо обвинять Кучму в убийстве Георгия Гонгадзе, Лукашенко — в серии исчезновений его противников, организованных белорусскими спецслужбами, а Назарбаева — в убийствах Заурбека Нуркадилова и Алтынбека Сарсенбаева. Характер этих преступлений таков, что заказчики вряд ли могут быть установлены с юридической точностью, а реальное расследование в неправовой, «мафиозной» системе невозможно. Но совершенно очевидно, что всеобщее распространение в общественном мнении уверенности в том, что эти убийства организованы властями, в условиях, сложившихся в странах СНГ, естественно²³.

При помощи перечисленных выше и не перечисленных средств происходит становле-

²³ Само нежелание правоохранительных органов расследовать подобные преступления говорит о том, что кто бы ни был их реальным заказчиком (теоретически это могут быть и не власти), сами следователи и прокуроры убеждены, что это — власти. Так, очень опасный для Назарбаева политический противник Нуркадилов был найден у себя в квартире с двумя пулями в сердце и одной в голове. Следствие установило, что причина смерти — самоубийство. Первая версия следствия по убийству другого опасного для президента противника, Сарсенбаева, рядом с телом которого лежали тела двух его убитых охранников, гласила: несчастный случай на охоте. Ясно, что выдвигение таких версий может быть объяснено только полной (хотя, возможно, и ложной) уверенностью следователей, что убийства совершены по приказу властей.

ние и укрепление режимов личной власти. Логика действий президентов толкает их к установлению все возрастающего контроля над обществом.

Самым важным является обеспечение безальтернативности собственной власти. Но это подразумевает последовательное расширение сферы контроля и безальтернативности. Естественным образом президент переходит от борьбы с реальными противниками к созданию условий, при которых такие противники и не могут возникнуть, от борьбы с реальными опасностями к борьбе с опасностями потенциальными или даже воображаемыми. От безальтернативных президентов развитие идет к безальтернативным парламентам, затем к безальтернативным партиям, безальтернативным СМИ и т. д. Очень четко эта логика проявляется в России, где с 1991 г. президентский режим смог достичь колоссальных успехов в установлении контроля над обществом. Но сходным образом эволюционирует режимы Узбекистана, Белоруссии, не говоря уже о Туркмении, где контроль власти над обществом был полным с самого начала, а с течением времени принял совершенно гротескные формы.

Развитие в этом направлении идет уже «само собой», без постоянных усилий президентов. Бюрократия сама осуществляет движение по данному пути, поскольку вся она заинтересована в укреплении президентской власти. Кроме того, любой президентский назначенец на своем уровне так же, как президент в масштабах страны, стремится обезопасить себя от неожиданных угроз «снизу», а стремясь обезопасить себя и от угроз «сверху», старается проявить максимальную лояльность президенту и максимальную бдительность в отслеживании угроз для власти.

Однако, очевидно, это все же не единственно возможное направление эволюции режимов. Создается впечатление, что под давлени-

ем оппозиции и внешним давлением Запада при достижении некоего максимального уровня контроль над обществом в ряде стран может начать ослабевать, а стремление продлить власть в таких ситуациях может принимать формы частичных уступок оппозиции и демократии. Это происходило на Украине, где Кучма, не уверенный в победе на выборах назначенного им преемника (и, возможно, не полностью ему доверяя), стремился уже не усилить президентскую власть, а наоборот, ослабить власть следующего президента принятием соответствующих поправок к Конституции. Периодические «либерализации» возникали в Узбекистане и Казахстане.

Такие «либерализации» и «демократизации» имеют имитационный характер, и их цель всегда в том, чтобы камуфлировать сохранение личной власти, продлить ее. Тем не менее они могут создавать более благоприятные условия для смены режима и перехода к демократии.

Все президенты сталкиваются с неизбежной и сложной проблемой собственного старения и необходимости обеспечить дальнейшую безопасность себе и своим близким путем передачи власти какому-то доверенному лицу. Это всегда чревато политическим кризисом, поскольку обостряет борьбу «придворных партий», связанных с разными кандидатами в преемники, и порождает активизацию оппозиционных сил. При этом у президентов, естественно, проявляется стремление к передаче власти тем, кому они доверяют в максимальной степени, — своим детям. Режимы личной власти естественно тяготеют к квазимонархиям.

Пока в СНГ было лишь два эпизода передачи власти назначенному президентом преемнику — в России и Азербайджане. В России Ельцин передал власть не члену семьи («подходящих» членов семьи у него и не было), но в Азербайджане власть была передана от отца к сыну. В Казахстане, Туркмении, Узбекиста-

не внутрисемейные передачи власти очень вероятны, а в Киргизии такая процедура была сорвана «тюльпановой» революцией.

Передача власти — всегда политический кризис. И исходы его могут быть самыми разными. Передача власти может просто «сорваться» и этот срыв может привести к смене режима, как это произошло на Украине. При внутрисемейной передаче власти преемник, наиболее близкий к президенту человек, может оказаться лишенным необходимых для поддержания режима качеств. Кроме того, внутрисемейная передача власти слишком обнажает неправую и недемократический характер режима и лишает преемника необходимой «легитимности». Но когда, как это произошло в России, власть передается относительно «новому» человеку, не связанному с «грехами» предшественника, режим способен укрепиться и «омолодиться». Тем не менее такое омоложение может быть лишь временным.

Жизнь авторитарных режимов «имитационных демократий» подчинена ритму, аналогичному ритму жизни живого организма. Вначале режим слаб и не имеет жесткой внутренней структуры. Затем он становится все сильнее и определеннее. Но после периода расцвета начинается неизбежное старение и деградация.

Причины деградации режимов «имитационной демократии» в странах СНГ Очевидно, можно условно разграничить две группы факторов, способствующих падению режимов «имитационных демократий», — факторы, связанные скорее с внутренней эволюцией режимов, и факторы, связанные в большей степени с развитием обществ. Начну с факторов, связанных с естественным «старением» режимов, которые действовали бы, даже если бы общества, в которых установлены эти режимы, вообще не развивались.

Потеря «обратных связей». При установлении авторитарного режима власти постепенно утрачивают представление о реальных процессах в своем обществе. По мере того как выборы превращаются в ритуал и фикцию, а СМИ оказываются под контролем, регулярный поток информации о настроениях общества иссякает. Президент создает вокруг себя среду, которая отражает его собственные взгляды и представления о себе и стране. Естественно формируются «культы личности». Наиболее гротескные размеры такой культ приобрел в Туркмении. Но Туркмения — лишь крайнее выражение общей тенденции. Культы личности меньших масштабов сложились у Алиева, Назарбаева, Каримова, Лукашенко и других президентов. Создавая режимы своей безальтернативной власти, президенты начинают сами искренне верить в собственные особые качества, объясняющие эту «безальтернативность»²⁴.

Как окружение президента и подконтрольные ему СМИ укрепляют его в представлении о своем колоссальном уме и особых психологических качествах, так же они укрепляют его и в представлении о том, что страна под его руководством прекрасно развивается, народ благоденствует и любит президента. Какая-то особая, доступная президенту, но недоступная обществу информация, которую могут поставлять ему, например, спецслужбы, касается только очень специфических и ограниченных аспектов действительности. В основном президенты пользуются той же искаженной информацией, которую предоставляет обществу сформированная ими система, они смотрят то же телевидение и читают те же газеты. Опять-таки крайнее выражение этой тенденции — Туркмения, где и статистика не имеет практически никакого отношения к действительности. Туркменбаши смотрит на нее и радуется успехам своей Родины.

²⁴ Так, Алиев под конец жизни мог утверждать, что он в советское время предвидел распад СССР и тайне готовил Азербайджан к независимости, и одновременно — что Михаил Горбачев чуть ли не отнял у него заслуженно полагавшийся ему пост генерального секретаря КПСС, завидовал ему и преследовал его.

Погружение властей стран СНГ в иллюзорный, фантастический мир можно было очень четко видеть во время волны «цветных» революций — в причудливом сочетании объяснения революционной войны зловещими иностранными происками, уверенности, что в их стране это невозможно в силу их выдающихся качеств и любви к ним народа (Акаев утверждал это за несколько дней до бегства), и одновременно страха, что она все-таки может прийти и к ним, ибо тайные силы действуют и в руководимых ими странах.

Криминализация и потеря управляемости. В режимах «имитационных демократий» коррупция играет, очевидно, большую роль, чем в недемократических режимах других типов. Режимам «имитационной демократии» присуща «системная нечестность», ибо систематическое нарушение провозглашенных принципов и принятых законов относится к самой их сути. В этом отличие президентов постсоветских стран от традиционных монархов, военных диктаторов и даже тоталитарных правителей, которым не нужно использовать демократический камуфляж и заботиться о демократической легитимации своей власти. Но такая ситуация порождает особые отношения президентов с их аппаратом и элитой.

Президент становится зависим от местных властей, которые должны гарантировать его победу на выборах и референдумах, он зависим от судей, которые должны выносить нужные приговоры его политическим противникам, от олигархов, которые теоретически могут давать деньги оппозиции, от генералов, которые теоретически могут в критический момент отказаться подавить оппозицию, от спецслужб, которые могут вступить с оппозицией в тайные связи, и т. д. Но, не имея тех связей со своими подчиненными, которые имеют военные диктаторы, опирающиеся на армейскую дисциплину, тоталитарные правители, связанные со своим

аппаратом идеологическим узами, и монархи, опирающиеся на традиционную лояльность, президенты вынуждены подкупать сторонников, «заинтересовывать их материально» в своей власти. Коррупция и криминализация приобретают системный характер, а элита превращается в систему мафиозных кланов.

Однако это означает усиление неуправляемости государства и общества. Коррупция разъедает всю систему государственных связей. Парадоксальным образом, чем больше укрепляется власть президента, тем меньше у него реально-го контроля. Указы всесильного президента, если они идут вразрез с интересами аппарата, могут просто игнорироваться.

В критический момент система, скрепленная лишь материальными интересами, рассыпается как картонный домик. Очень характерной чертой «цветных революций» оказалось то, что, как выяснилось, у президентов нет настоящих убежденных сторонников. В отличие от демократических президентов, проигравших на выборах, Шеварднадзе, Кучма и Акаев в трудную минуту оказались просто одни. Даже Ельцин, которому удалось передать власть назначенному им преемнику, очень быстро оказался всеми забыт.

Выживание слабейшего. Коррупцирование означает деградацию государственной элиты. Но эта деградация происходит не только в результате коррупции, но и вследствие действия специфической для режимов данного типа системы социальной мобильности.

Вообще никто никогда не будет назначать своими заместителями и ближайшими подчиненными людей с яркими индивидуальностями, «неконтролируемых», которые могут «затмить» начальника. Поэтому систематическое доминирование бюрократической социальной мобильности ведет к систематическому же ухудшению качества элиты.

В режимах «имитационной демократии» бюрократический принцип мобильности стано-

вится доминирующим и вытесняет иные механизмы. В начале 90-х годов, когда системы еще не сложились и существовало много путей независимого от власти проникновения в элиту, в экономическую и политическую элиты всех стран СНГ проникло множество «самовыдвиженцев», далеко не всегда приятных, но ярких личностей. Но затем каналы «самовыдвижения» закрылись. Все даже поддерживающие президента, но относительно яркие и психологические независимые фигуры в его окружении устраниются. Депутаты формально выбираются, но по сути начинают также назначаться, как чиновники государственного аппарата. Места на вершине экономической иерархии уже заняты, наиболее неконтролируемые олигархи устранены, остаются лишь те, кто прямо назначен или утвержден верховной властью. Это ведет к бюрократизации и систематической деградации всей элиты.

Делегитимация. Естественное стремление президентов расширить сферу своего контроля ведет к тому, что демократические и правовые институты все более превращаются в фикцию. Не заметить это становится уже невозможно. Полностью предсказуемые выборы превращаются в ритуал, в них исчезает какая-либо интрига.

Но ведь режимы «имитационных демократий» не имеют своей, альтернативной демократии идеологии и не зависящих от демократии и выборов источников легитимности. Поэтому чем больше общество оказывается под формальным контролем власти, чем более предсказуемыми становятся выборы, судебные решения, сообщения СМИ и т. д., тем в большей степени исчезает легитимность власти.

Это процессы внутренней динамики авторитарных режимов имитационной демократии, и они практически независимы от развития общества и происходили бы, даже если бы общество оставалось неизменным. Но общество развивается, меняется.

В конце горбачевского и в начале постсоветского периодов на наши общества обрушилась лавина неожиданных и непонятных им перемен. В этой ситуации усилилась стремление к «сильной власти», гарантирующей стабильность, сформировалась психологическая почва для создания режимов имитационных демократий. Но сейчас многое из того, что было в то время новым и пугающим, стало нормальным. Люди привыкли к частной собственности и рыночным ценам, к отсутствию жесткой официальной идеологии, к ограниченным, но все же существующим политическим и гражданским свободам. Они научились жить в новых условиях, адаптировались к ним. В значительной мере результатом этой адаптации является повсеместный в СНГ рост ВВП и прекращение падения жизненного уровня. Это в определенной мере работает на режимы личной власти, демонстрируя их эффективность и снижая угрозы стихийного протеста. Но, с другой стороны, эти процессы в какой-то мере уменьшают психологическую потребность масс в «сильной руке».

Фактор привычки усиливается естественным процессом смены поколений. Для старшего поколения, сформировавшегося в условиях СССР и сохранившего какие-то воспоминания о сталинском терроре, даже позднесоветские условия казались очень мягкими и либеральными, а горбачевская либерализация — просто невыносимой и опасной свободой. Для молодого поколения более либеральные условия теперешних режимов — нечто естественное, нормальное. Поколение, сформировавшееся в постсоветских условиях, несомненно, менее удобно для режимов имитационной демократии и психологически более готово к реальной демократии, чем советское.

Значительную роль в усилении оппозиции режимам личной власти играют и изменения

в социальной структуре обществ. За годы перемен сформировался слой новой буржуазной элиты, зависящей от государства, но все же значительно меньше, чем старая номенклатурная элита. У части этой элиты появляется стремление к правовому обществу, к гарантиям от произвола власти.

Новым явлением является преодоление расколов в оппозициях. Вначале президентской власти противостояли две очень разные оппозиции, ненавидевшие друг друга и рассматривавшие власть как меньшее зло по сравнению с оппозицией противоположного идеологического направления. Это, с одной стороны, коммунисты и их идейные и организационные наследники и модификации, с другой — антикоммунистические демократические движения. Но постепенно ситуация меняется. В разных странах в различной степени, но везде происходит трансформация «левых» коммунистических оппозиций, в той или иной мере отказывающихся от коммунистических догм и в иной форме и при других условиях повторяющих эволюцию бывших компартий стран Центральной Европы. С другой стороны, происходит определенное «отрезвление» антикоммунистических движений. Это, а также общее давление властей создает новые возможности для сближения оппозиционных сил разной и даже противоположной идеологической направленности на основе общедемократических требований. Борьба друг с другом одинаково бессильных оппозиций уступает место общей борьбе с режимами за установление новых правил игры. Такие союзы социалистов и коммунистов с правыми (разной степени организованности и прочности) установились в Казахстане, Киргизии, на Украине, в Белоруссии, тенденция к этому заметна и в России. Подобные союзы могут иметь очень большое значение для установления демократического общественного кон-

сенсуса и для торжества демократических норм политической жизни в будущем.

Можно указать и ряд других факторов, способствующих ослаблению режимов личной власти и росту оппозиции: увлечение «усталости» от лиц, стоящих во главе государств уже не первое десятилетие, пример стран Центральной Европы, успешное развитие демократических стран в целом и др.

В некоторых государствах СНГ, как уже говорилось, действие этих факторов может вести к определенной либерализации режимов. Однако, думается, переход стран СНГ к демократии по сути не может не быть глубоким политическим кризисом. Ведь он неотделим от потери власти теперешними президентами или назначенными ими преемниками, у которых есть все основания держаться за власть любыми средствами и которые сами создали системы, делающие мирный и законный приход оппозиции к власти практически невозможным. Проще представить себе традиционного монарха, вводящего конституцию, или военного диктатора, возвращающего армию в казармы и передающего власть гражданским (и то, и другое случалось в истории многократно), чем президента, построившего систему «имитационной демократии» и затем решившего ее разрушить, пойдя против собственных интересов и инстинктов, против друзей и сторонников и способствуя победе своих противников. Есть основания полагать, что возможности таких непонятно чем мотивированных «революций сверху» крайне ограничены. Пока на территории СНГ подобных примеров не было. Зато было уже три случая падения режимов «имитационной демократии» в результате «революций снизу».

Падение режимов «имитационной демократии» в странах СНГ и перспективы их дальнейшего развития

К настоящему времени на территории СНГ произошли уже три революции, свергнувшие авторитарные ре-

жимы «имитационных демократий», и можно сделать некоторые выводы относительно того, как происходит их падение.

Режимы стран СНГ однотипны, это режимы с общей логикой функционирования и развития. Соответственно и их падение однотипно, существует как бы некоторый общий сценарий таких революций.

Прежде всего все три удавшиеся революции и несколько аналогичных неудавшихся попыток (Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Армения) связаны с выборами. Это, разумеется, не случайно. Наличие выборов и других элементов современной демократической системы, а также их фасадный, камуфляжный характер — сущностные черты этих систем, противоречие между декларируемыми принципами и реальностью им имманентно присуще. Соответственно их кризис связан с предельным обострением и разрешением этого противоречия.

Власть постоянно режиссировала выборы и фальсифицировала их результаты, и общество молчаливо соглашалось с неизбежностью таких фальсификаций. Но в какой-то момент оно перестает соглашаться и срывает очередную попытку фальсификации.

Люди выходят на улицы, требуя пересмотра официальных результатов выборов. Толпы на улицах — это если не насилие, то угроза насилия. Начинается война нервов. Исход этого противостояния зависит от тысячи не поддающихся учету факторов, но чисто логически может быть только три возможных исхода.

Первый исход — власть боится применить силу и сдается, как это произошло на Украине, в Грузии и Киргизии. Второй — власть неудачно

применяет силу, войска отказываются повиноваться. Этого варианта мы еще не видели, но очень вероятно, что увидим. Третий – власть не сдастся и разгоняет недостаточно многочисленные, слабо организованные и мотивированные митинговые толпы.

Первый и второй варианты означают падение режима, третий – отсрочку этого падения. Не может быть сомнений, что каждые следующие выборы в Азербайджане, Казахстане, Армении и Белоруссии будут связаны с новыми попытками оппозиции сорвать фальсификации, и в конце концов исход все равно предreshен. Раньше или позже очередная такая попытка увенчается успехом.

Революция, приуроченная к выборам, и их фальсификации – естественный сценарий развития событий при авторитарных режимах «имитационной демократии». Однако, очевидно, он применим все же не ко всем странам. Для его развертывания необходимы такие условия, как наличие легальной оппозиции, относительных возможностей самоорганизации общества и относительно свободных выборов.

При достижении режимом определенной степени жесткости этот сценарий уже неприемлем. Вряд ли, например, он может реализовываться в таких странах, как Туркмения и Узбекистан. Выборы здесь настолько ритуализованы, что перестали быть событием, с которым связываются какие-то ожидания, а возможностей легальной самоорганизации общества нет.

Это делает более жесткие режимы относительно более устойчивыми, но в то же время означает, что падение их будет более неожиданным, непредсказуемым и практически несомненно кровавым.

Если «цветные» революции – одна модель, применимая к относительно либеральным режимам, то андижанские события в Узбекистане – другая.

Падение режимов имитационной демократии рано или поздно неизбежно. Но результаты этого падения могут быть различными.

Как уже говорилось, падение режима обусловлено двумя типами процессов, которые в реальной истории переплетены, но аналитически должны разграничиваться. Это процесс деградации режима, обусловленный имманентными ему причинами, и процесс развития общества, которому рамки режима становятся все более тесными. Результаты падения режима обусловлены тем, какой удельный вес в совокупности факторов, приведших к его гибели, имеют факторы первой и второй групп.

Если падение режима происходит прежде всего в результате того, что общество «переросло» его, это приводит к установлению демократии. Подобное развитие наблюдается на Украине, с меньшей очевидностью – в Грузии²⁵.

Но если это падение происходит в результате внутренней деградации режима и в условиях, когда общество не достигло уровня развития, при котором возможна стабильная демократия, оно вступает в цикл чередования неустойчивых, анархических демократий и диктатур, который мы можем наблюдать в новейшей истории многих стран третьего мира.

Не неизбежно, но очень вероятно, что так будут развиваться события в Киргизии, где свержение слабого акаевского режима как бы вернуло страну к ситуации 1990–1991 гг. Вполне можно предположить, что в Киргизии после теперешнего хаотически-демократического периода установится новый режим «имитационной демократии», также похожий на акаевский, как в Индонезии после свержения «имитационной демократии» президента Ахмеда Сукарно и периода хаоса установился новый авторитарный режим «имитационной демократии» во главе с генералом Сухарто.

²⁵ Приход на Украине к власти правительства с участием Партии регионов, даже возглавляемого Виктором Януковичем, также не может рассматриваться как поражение революции и поражение украинской демократии, как поражением революции и демократии не могли считаться в свое время победы Альгирдаса Бразаускаса в Литве или Александра Квасневского в Польше. Объективной целью «оранжевой революции» на Украине был приход к власти Виктора Ющенко или Юлии Тимошенко, а срыв попытки построения «имитационной демократии» и утверждение правовой системы, демократических правил игры, в рамках которых победить может и Янукович. Ситуация в Грузии значительно менее ясна. Говорить об утверждении здесь демократических правил игры рано. Это можно будет сделать только после одной-двух демократических ротаций власти.

Возможности внешнего воздействия

СНГ — не только пространство, на котором сосуществуют страны, имеющие однотипные и параллельно развивающиеся режимы. Это и пространство бывших Российской империи и СССР. Входящие в него страны связаны исторически и культурно, прежде всего через русский язык и Россию. Это и оформляющая единство указанного пространства международная организация, одной из важных недеклалируемых, «латентных» функций которой является сохранение режимов «имитационной демократии».

Тесные связи между странами СНГ приводят к тому, что политические процессы и события в каждой из них оказывают на другие страны неизмеримо большее влияние, чем события и процессы в странах, не входящих в СНГ. «Цветные» революции становятся источником вдохновения для оппозиций и озабоченности для властей всех стран, и наоборот, удачное преодоление кризиса и успешная передача власти наследнику, как это было в России и Азербайджане, служат источником вдохновения для президентов и предупреждением для оппозиции. Поэтому все президенты стран СНГ, какими бы ни были противоречия между ними, заинтересованы в стабильности власти коллег и соседей и могут рассчитывать на их помощь в трудных ситуациях. В какой-то мере СНГ можно сравнить со Священным союзом монархов Европы против революций в посленаполеоновскую эпоху. Это союз президентов против оппозиций, в котором центральную роль, естественно, играет Россия²⁶.

С другой стороны, демократические страны в той или иной степени стремятся к распространению демократии на пространство СНГ, сдерживая авторитарные режимы и поддерживая демократические оппозиции. На новом витке спирали, в меньших масштабах и более мягких формах на просторах СНГ продолжает

²⁶ Так, наблюдатели на выборах и референдумах из стран СНГ в отличие от наблюдателей из других стран всегда признают все, даже самые очевидно недемократические выборы и референдумы честными и законными. Как правило, перед выборами главы государств СНГ делают заявления в поддержку действующего президента. В наиболее критических ситуациях, как это было в конце режима Кучмы на Украине, помощь действующему президенту и заявленному им преемнику может носить развернутый и многосторонний характер.

²⁷ Можно отметить определенную зависимость внешне-политических ориентаций властей СНГ от того, подвергается ли власть испытаниям. Когда режим личной власти стабилен и угроза со стороны оппозиции минимальна, президенты могут занимать во внешней политике более прозападные позиции, но как только режим входит в полосу кризиса, усиливается ориентация на Россию и СНГ. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в изменении политической ориентации Каримова после андижанских событий.

ся та же борьба, которая шла в свое время на территории «соцлагеря». В критических ситуациях, когда на кону оказывается власть, президенты стран СНГ обращаются и будут обращаться к естественному союзнику — России²⁷. С другой стороны, любая демократическая оппозиция также естественно становится антироссийской и прозападной.

Но хотя СНГ — «поле боя» России и Запада, возможности и России, и Запада влиять на события в странах Содружества, на наш взгляд, очень ограничены.

Помощь России президентам стран СНГ может быть лишь относительно скромной. У постсоветской России, значительно более слабой, более зависящей от внешнего мира, чем СССР, и не имеющей советской идеологической мотивации, нет возможности оказать постсоветским режимам «братскую помощь» типа той, которую в свое время оказывал СССР Венгрии и Чехословакии. Опыт трех «цветных» революций показывает, что спасти оказавшиеся в критической ситуации режимы Россия неспособна.

С другой стороны, возможности Запада воздействовать на развитие стран СНГ тоже очень ограничены. Конечно, для всех постсоветских президентов и элит мнение передовых демократических стран значит очень много, и оно не может не оказывать влияние на внутреннюю политику режимов «имитационной демократии», удерживая их от наиболее резких проявлений авторитаризма и иногда способствуя их либерализации. Западные страны воспринимаются как эталоны демократии, и их отношение к правителям стран СНГ имеет определенное легитимирующее значение. Но при появлении реальной угрозы для власти этот фактор отступает на задний план. При всей «западной» ориентации, например, алиевского режима в Азербайджане, невозможно представить себе, чтобы покойный Гейдар Алиев мог

бы ради своего имиджа на Западе отказаться от передачи власти сыну.

Кроме того, давление извне в направлении демократизации никогда не было последовательным и, очевидно, не может быть таковым. У властей стран СНГ есть средства минимизировать это давление, запугивая мировое сообщество возможностью дестабилизации их стран и опасностью экстремизма. В России власть очень успешно использовала угрозу прихода к власти коммунистов и русских националистов («красно-коричневых»). В Центральной Азии роль такой угрозы играет исламский радикализм.

Нельзя сказать, что эти угрозы просто вымышлены. Но они в значительной мере являются порождением самих режимов личной власти. При невозможности ротации власти и постепенном закрытии мирных и легальных каналов проявления недовольства протест, естественно, может принимать экстремистские формы.

Так длительная консервация радикальных элементов в идеологии российской компартии и радикализм новых молодежных движений в России действительно создавали и создают угрозу установления, в случае победы оппозиции в России, еще более авторитарного правления, чем теперешнее. Но ясно, что эти радикальные тенденции в российской политической жизни прямо связаны с характером нынешнего режима, полностью перекрывшего для оппозиции (и левой, и правой) все пути легального и мирного достижения власти. Между тем в единственной стране СНГ, где не возник режим личной власти и для оппозиции не закрыты пути мирного и законного достижения власти, — в Молдавии победа коммунистов на выборах отнюдь не привела к становлению авторитарного режима. Напротив, это закрепило систему, основанную на ротации власти, и ускорило трансформацию

компартии. Теперешние коммунистические власти Молдавии активно стремятся подготовить страну к вступлению в ЕС.

Если Россия и Молдавия – примеры двух противоположных способов борьбы с угрозой радикализма, исходящей от коммунистов, то Таджикистан и Узбекистан – примеры двух противоположных способов борьбы с угрозой исламского экстремизма. В Таджикистане, несмотря на длительную и жестокую гражданскую войну, исламское движение не приняло экстремистских форм и при установлении мира смогло интегрироваться в общество. Судя по всему, угрозы «исламизма» в Таджикистане сейчас нет, и если она снова появится, то только в связи с авторитарной трансформацией режима Рахмонова. Иная ситуация в Узбекистане. Не вызывает сомнений, что сейчас угроза исламского радикализма в Узбекистане значительно выше, чем в начале 1990-х годов, когда в этой стране еще не была подавлена демократическая оппозиция. Также очевидно, что установленный режимом Каримова контроль над любыми спонтанными и «чрезмерными» проявлениями мусульманской религиозности сам способствовал росту исламского экстремизма. Если человека могут допрашивать в полиции и изгонять с работы только потому, что он регулярно соблюдает требования ислама, радикализация мусульманского общества становится просто неизбежной.

Режимы личной власти создают порочный круг – они сами порождают угрозу дестабилизации и экстремизма, при появлении которой демократические страны готовы признать их «меньшим злом» и закрывать глаза на неправомерный характер власти и на репрессии против оппозиции, в результате чего угроза дестабилизации и экстремизма может еще больше возрасти.

Сознательное целенаправленное политическое воздействие демократических государств

на политическое развитие стран СНГ может иметь лишь ограниченный эффект и оказаться решающим лишь в каких-то особых кризисных ситуациях. Но демократизация стран Содружества и не наступит вследствие политического давления извне. Она может состояться лишь в результате внутренних процессов. Основное воздействие со стороны демократических государств не связано с их сознательной политикой. Главное — воздействие примером. Как пример свободных стран подтачивал основы коммунистических режимов, так сейчас успехи демократических государств, европейская интеграция и включение в нее новых посткоммунистических демократий Центральной и Восточной Европы создают демонстрационный эффект, подтачивающий режимы личной власти в странах СНГ.